

Литература / References

1. Бурченкова Л.Ш. Субкультуры как новая форма идентификации с точки зрения субъект-объектного подхода // Молодой ученый. – 2016. – № 7. – С. 316-320.

Burchenkova, L.Sh. Sub-cultures as new form of identification from the point of view of subject oriented approach. *Young scientist*. 2016, no. 7, pp. 316-320.

2. Giddens, A. *Modernity and self-identity: Self and society in the late modern age* Stanford, CA: Stanford University Press, 1991, p. 34.

3. Hall, S., Du Guy, E. *Questions of cultural identity*, L: SAGE, 1996; Hall, S.; *The question of cultural identity. Modernity and its future*. Cambridge UK: Open University, 1992, pp. 272–326.

4. Mathews, G. *Global culture/ individual identity. Searching for home in the cultural supermarket*. London: Routledge, 2001.

Интернет источники / Internet sources

1. Словари и энциклопедии на Академике. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/23531>

2. Блог Гари Вайнерчука. URL: <http://GaryVaynerchuk.com>

3. Блог Рэнда Фишкин. URL: <http://SEOmoz.org>

4. Блог Грера Хикмана. URL: <http://SmartPassiveIncome.com>

DOI 10.20339/AM.09-17.105

В.В. Мадоян,

д-р филол. наук, проф.

С.З. Шейранян,

канд. пед. наук, научный сотрудник

Российско-армянский (славянский) университет,

Республика Армения

e-mail: UMEC1@rambler.ru

КОНФЛИКТ ИДЕОЛОГИЙ И ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА (НА ПРИМЕРЕ АРМЯНСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ)¹

Исследована тема конфликта идеологий и языковой политики. На конкретном примере армянского и русского языков рассматриваются актуальные вопросы языковой политики с точки зрения прав и свобод человека и диалектики развития языков на современном этапе. На уровне прав человека оцениваются перспективы языков национальных меньшинств, а на уровне развития формулируются принципы и методы совершенствования языка путем государственного регулирования. Авторы выдвигают новые положения и формулируют новые понятия, в т.ч. понятия «качество языка» и его отдельных компонентов.

Ключевые слова: языковая политика, идеология, государственный язык, язык национальных меньшинств, государственное регулирование языка, качество языка.

CONFLICT OF IDEOLOGIES AND LANGUAGE POLICY (EXAMPLE OF ARMENIAN AND RUSSIAN LANGUAGES)

V.V. Madoyan is Dr.Sci. (Philology), prof.; and **S.Z. Sheyranyan** is Cand.Sci. (Pedagogy), researcher at Russian-Armenian (Slavic) University, Republic of Armenia

Researched is the theme of conflict of ideologies and language policy. Based of concrete example of Armenian and Russian languages, discussed are current questions of language policy from point of view of rights and freedoms of personality and dialectics of development of languages at present stage. At the level of rights of personality, evaluated are prospects of languages of national minorities, and at the level of development formulated are principles and methods of perfection of language by state regulation. The authors put forward new ideas and formulate new concepts, including concepts of "quality of language" and its separate components.

Key words: language policy, state language, language of national minorities, state regulation of language, quality of language.

Противоречия «языкового права»

Конфликт идеологий в культуре нашей речи — это конфликт старого и нового мировоззрений. Старое мышление связано с национализмом, новое — с необходимостью соблюдения прав человека.

Коллапс СССР, по предложенному нами сценарию, должен был обеспечить демократическое сообщество юридически равноправных людей без идеологических конфликтов, одним из ключевых факторов которого является языковая политика. Демократическая форма прав-

ления прежде всего обеспечивает права и свободы личности, а стало быть, и его право на пользование своим языком вне зависимости от государственного. Однако республики постсоветского пространства, «вырвавшиеся из тисков интернационализма», сразу же принялись решать свои узкие национальные проблемы, т.к. конфликт идеологий постоянно обостряется.

¹ Исследование выполнено в Российско-Армянском (славянском) университете (РАУ, г. Ереван, Республика Армения) за счет средств, выделенных в рамках субсидии МОН РФ на финансирование научно-исследовательской деятельности РАУ.

Насколько демократическими принципами руководствуются политики постсоветских стран, свидетельствует узурпация власти. Алиевы правят Азербайджаном больше 50-ти лет, в Казахстане существует только Н. Назарбаев, в России и Армении новая власть рождается старой. В Белоруссии «все голосуют» только за А. Лукашенко. Пока не было ни одного исключения из этого правила.

Такая «демократия» чаще всего не в состоянии обеспечить правовую государственную языковую политику, под которой понимается определение государственного языка страны и условий осуществления своих прав национальными меньшинствами, с одной стороны, и установление качественных приоритетных направлений развития языка вообще — с другой.

Первый вопрос — о государственном языке и языке национальных меньшинств в единой стране — больше связан с политикой и правами человека. Если исходить из принципов современного развития цивилизации, человек не должен быть ограничен в своих правах из-за языка. Конституции демократических стран констатируют, что:

- ◆ запрещается дискриминация в зависимости от пола, расы, цвета кожи, этнического или социального происхождения, генетических признаков, языка, религии, мировоззрения, политических или иных взглядов [5. Ст. 14.1];
- ◆ каждое лицо, лишенное свободы, незамедлительно извещается о причинах этого, а при предъявлении уголовного обвинения также об обвинении на понятном ему языке [5. Ст.16.7];
- ◆ лица, принадлежащие к национальным меньшинствам, имеют право на сохранение и развитие своих традиций, религии, языка и культуры [5. С. 41].

Согласно указанным пунктам Конституции Республики Армения, как и конституция постсоветских стран, человек не должен быть дискриминирован по признаку языка. Это означает: при соприкосновении с уголовным кодексом его должны информировать на понятном ему языке и ему дается право сохранять и развивать свой язык. Естественно, как это отмечено в законах о языке, об иностранцах, лицах без гражданства всех демократических стран, в необходимых случаях государство обеспечивает лицо, не владеющее иностранным языком, переводчиками [4; 8].

Если учесть, что в иноязычном окружении вряд ли удастся сохранить, а тем более развивать свой язык, то вне соприкосновения с преступным поведением в смысле пользования родным языком, казалось бы, нет речи. Нигде нет положения о применении лицом своего родного языка в ситуациях, предусмотренных гражданским правом.

В некоторых странах с многоязычным этносом проблема языка национальных меньшинств, конечно, «решается». Все население объявляется этнически единым, при этом косвенно запрещается использование родного языка как в бытовой, так и официальной сферах. Например, в Азербайджане талыши, лезгины, курды и прочие национальные меньшинства официально признаны азербайджанцами, поэтому об использовании их родных языков или получении образования на таковых нет и речи. При вступлении в Совет Европы Азербайджанская республика взяла на себя обязательство законным образом обеспечить права национальных меньшинств, в т.ч. в области языка. Однако до сих пор соответствующий закон не принят.

Иначе решается вопрос в РФ, в которой действует специальный закон «О языках народов Российской Федерации». Закон содержит следующие принципиальные пункты:

- ◆ в местности компактного проживания населения, не имеющего своих национально-государственных и национально-территориальных образований или живущего за их пределами, наряду с русским языком и государственными языками республик, в официальных сферах общения может использоваться язык населения данной местности;
- ◆ порядок использования языков в таких местностях определяется законодательством Российской Федерации и субъектов Российской Федерации [3. Ст. 3.4];
- ◆ граждане РФ вправе обращаться в государственные органы, организации, на предприятия и в учреждения Российской Федерации с предложениями, заявлениями, жалобами на государственном языке Российской Федерации, родном языке или на любом другом языке народов Российской Федерации, которым они владеют [3. Ст. 15.4].

С этим контрастирует зарубежный опыт, к примеру, Швейцарии, представленный вариантом функционирования четырех официальных языков (немецкого, французского, итальянского и ретороманского), т.е. языков всех коренных народов этой страны. Естественно, это создает определенную волокиту и неудобства для госслужащих, поскольку не все они на должном уровне владеют хотя бы двумя из указанных языков. В то же время Швейцария, которая очень внимательно относится к национальной гордости своих народов, придерживается этой языковой политики: ради смягчения указанных неудобств страна стремится свести к минимуму зависимость гражданина от государственных органов.

Для решения вопроса о «языковом праве» человека следует внимательно рассмотреть, что из себя представляют права и свободы личности вообще, на каких принципах они базируются. Здесь существует несколько подходов. Первый из них гласит: права человека заканчиваются там, где начинаются права другого», т.е. права одной личности ограничиваются правами другой личности. Согласно второму подходу, личность имеет право на любое действие, которое не запрещено законом.

И тут сразу же начинаются противоречия в принципах языковой политики. Согласно Конституции РФ, государственным языком в РФ является русский язык, хотя никаким законом права остальных языков никоим образом не дискриминированы [6]. Иная ситуация наблюдается в международных организациях. Комиссия и суд по Европейской хартии о правах человека, справедливо полагая, что отсутствие права пользоваться родным языком является нарушением свободы мысли, считает, что государство (в данном случае члены ЕС) не обязаны предоставлять личности право пользоваться родным языком в сношениях с государственными органами: «Мысль и язык настолько тесно взаимосвязаны, что любые ограничения государством использования какого-либо языка, выбранного тем или иным лицом, представляют собой нарушения свободы мысли в соответствии со статьей 9. Ни Комиссия, ни суд этот аргумент не принимают. Положения статьи 9 не применяются к отказу правительства предоставить отдельным лицам право использовать свой родной язык в отношениях с государственными органами» [2. С. 341].

Если принять во внимание стремление современного мирового сообщества избавить человека от чувства дискомфорта, применяемая языковая политика критики не выдерживает. Здесь следует учесть два фактора: желание лица и его право быть в обществе равным со всеми. Если государство предоставило лицу возможность изучить государственный язык, но лицо отказывается от этого или не воспользовалось им, это его право. Вместе с тем, если лицо по каким-либо причинам не знает государственного языка, государство должно обеспечить ему нормальные условия общения с государственными органами. Пока используются только переводчики во время криминальных следствий и процессов.

Исходя из положения демократических конституций об абсолютном равноправии граждан, иностранцев и лиц без гражданства, любое лицо должно иметь право пользоваться родным языком во всех государственных инстанциях. В СССР, хотя официальным языком страны был русский, любой гражданин мог обратиться в Верховный совет СССР на своем родном языке. Аналогично на родном языке представлялись различные справки (о здоровье, о трудоустройстве и др.), переводить и принять к сведению которые обязаны были государственные учреждения.

В то же время мощь информации на государственном языке не может не подавлять информацию на языке национальных меньшинств, т.е. государственный язык так или иначе принуждает языки национальных меньшинств свертывать свое функциональное поле, и это естественный процесс. Лауреат Нобелевской премии сербский писатель И. Андрич печатал свои произведения на латинице, поскольку в таком случае его читали и хорваты. Единственный фактор, который может поддержать употребление языков национальных меньшинств, — государственное финансирование его функционирования: широкая публикация на госбюджетные средства газет, журналов, классической и национальной литературы, что должно быть отражено в законах о языке (государственном или национальных меньшинств).

Язык, как и наука, подчиняется только одной закономерности: для его развития нужна *востребованность*. Ретороманец, носители языка которого составляют всего 8% населения Швейцарии, может быть заинтересован обучаться на ретороманском, если обеспечивается равенство его возможностей с возможностями швейцарских немцев, составляющих большинство населения этой страны. Аналогичным образом трудно чисто законодательским путем добиться равенства языков малых народов с мировыми языками. Более распространенный язык всегда предоставляет более широкие перспективы. Единственный путь добиться абсолютного равенства всех языков — обеспечение человечества высококачественным автоматическим переводом.

Суть же государственного языка должна состоять в том, что информация, исходящая из государственных органов, должна публиковаться на этом языке. Лицо, которому интересна внутренняя и внешняя политика государства, гражданином которого он является, должно выучить государственный язык. Если же по роду деятельности его совершенно не интересуют указанные проблемы, оно должно иметь право не знать его вообще.

Фактической обязанностью государственных органов является обеспечение возможностей. На этом их функция

заканчивается, поскольку следующим шагом является прямой или косвенный диктат, ибо, когда государство думает за человека, за государство всегда думает один человек. Даже вполне логичное государственное принуждение в этой области все равно остается принуждением.

Идеология и языковая политика

Стремительный прогресс мировой цивилизации делает знание языка все более необходимым. Знание же нескольких языков резко повышает мобильность личности, ее возможности в науке, образовании, бизнесе. Сегодня человек, говорящий на одном языке, подобен машине с одной скоростью передвижения. Незнание же государственного языка отрывает человека не только от политической жизни страны, но и от образования, науки, культуры. Так, к примеру, «язык становится все более ценным как помощник в научном изучении той или иной культуры. В известном смысле переплетение культурных моделей данной цивилизации запечатлено в языке, который выражает эту цивилизацию. Было бы иллюзией полагать, что мы можем понять существенные черты культуры путем непосредственного наблюдения, без участия той языковой символики, которая делает эти черты значимыми и понятными обществу» [10. С. 39].

Языковая политика как принцип построения (конструирования) языка в качестве функциональной коммуникативной единицы также связан с идеологией. «Под языковой политикой мы понимаем совокупность мер, разработанных для целенаправленного регулирующего воздействия на стихийный языковой процесс и осуществляемых обществом (государством)», — пишет Л.Б. Никольский [7. С. 114]. В этой ситуации идеология играет существенную роль, поскольку в любой стране стихийный языковой процесс определенным образом, как отмечено, *регулируется*, и суть дела в том, как он регулируется.

Если в период становления русских литературных норм Н. Карамзин, а затем и А. Пушкин стремились использовать богатство французского и соединить его с русской народной разговорной стихией, в армянской языковой политике закрепились пуристические тенденции, которые обусловлены историческими условиями существования армянской нации и которые в условиях независимости постепенно заменяются, что делает систему армянского языка все более открытой. «Отношение языка и общества в плане статики может выявляться в отражении в языке условий общественного существования», — писала В.Н. Ярцева [10. С. 39].

Нисколько не оспаривая принцип непосредственной связи истории языка с историей его носителей, выдвинутый еще академиком А.А. Шахматовым, следует отметить необходимость качественного совершенствования самого эффективного средства коммуникации. Если националистическая идеология стремится к полному пуризму и отгораживанию от влияния соседних или мировых языков, то глобалистская языковая политика стремится к развитию интернациональных элементов. И в том и в другом случаях главным в политике должна быть языковая перспектива, качество языка, которое проявляется в объеме форм и гибкости употребления. Как правило, это единый процесс национальной языковой поли-

тики, который всегда определяется степенью гуманистической политики государства или степенью открытости данной политической системы, тем более что «процессы функционального и внутривидового развития языка находятся в известной взаимосвязи, ибо функциональное развитие языка должно сопровождаться его внутривидовым развитием» [1. С. 69].

Развитие же государственного языка обусловлено развитием всего общества, которое в погоне за прогрессом обязано иметь язык, соответствующий времени. Известно, что лексический состав любого языка более чем наполовину состоит из заимствований. Даже в таких мировых языках, как английский и французский, заимствований больше, чем исконных слов. В этом плане в национальной языковой политике наблюдается конфликт двух подходов: открытого (легко воспринимающего иноязычные слова) и пуристического. Реализация одного из подходов в чистом виде невозможна. Речь о том, какой подход применяется преимущественно.

В русском языке основой развития речи является живая языковая стихия, которая нормируется в зависимости от частотности употребления в произведениях классиков литературы. В армянском языке больше наблюдается стремление калькировать любое слово, отчего и язык становится длинным, ибо каждая новая лексема состоит из нескольких сем: армянскими лингвистами употребление близких по значению слов вместо заимствования в основном не применяется. Фактически в обществе все подчиняется политике и идеологии, даже развитие языка. «Лингвисты, занимавшиеся проблемами социального в языке, нередко были склонны в ряде случаев преувеличивать роль социальных факторов как движущих сил в развитии языка и недооценивать факторы внутреннего порядка, обусловленные относительной самостоятельностью языковой системы», — писал Ф.П. Филин [9. С. 6]. Фактически в языке действуют две тенденции: с одной стороны, социальные факторы подчиняют развитие языка политике и идеологии, с другой — языковые факторы пытаются систематизировать как указанные, так и внутренние трансформации.

Лингвисты обычно аккуратно обходят деликатный вопрос о качестве языка, однако его приходится так или иначе рассматривать. Главными составляющими *качества языка* являются его выразительность, краткость, гибкость и системность. Они имеют материальную основу (выражение).

Выразительность языка состоит в его способности передать определенное количество информации с помощью минимума средств. Выразительность, согласно существующим теориям, обеспечивается богатой лексикой. Но не только. Так, перевести на звенский *Элементарные частицы проходят сквозь географическую оболочку Земли* не так просто, как передать на русском или армянском: каждый язык должен пройти определенный исторический путь развития без перерывов. С другой стороны, в выразительности языка взаимодействует не один десяток факторов (мы лишь ставим проблему, и она еще требует серьезной разработки). Так, по-армянски можно сказать *dəvəliq patak* — «письмо, которое будет написано», в то время как армянский язык в целом длиннее русского.

Другая сторона выразительности — это совмещение в одном языковом знаке нескольких типов значений. Так, в предложении «У налоговых органов волчий аппетит» выражение «волчий аппетит» содержит несколько значений:

- ◆ собственно лексическое «прожорливость»;
- ◆ оценочное отрицательное;
- ◆ стилистическое, фразеологически связанное (образность).

Фактически перед нами явление, в рекламе называемое «три в одном». Когда армянин говорит: «*Ajd akhchikn achqēs khētes*» (буквально «Эта девушка выпила мои глаза»), он параллельно фиксирует не только силу воздействия (оценку), но и свое отношение (исключительно положительное): девушка оказала на него такое впечатление (настолько ему понравилась), что в его глазах померк свет (он перестал что-либо видеть, кроме нее у него не стало глаз).

М.В. Ломоносов писал: «Император Карл V говорит с богом на испанском языке, с друзьями на французском, с врагами на немецком, с женщинами на итальянском. Но если бы он знал русский язык, то нашел бы в нем великолепие испанского, живость французского, строгость немецкого, нежность итальянского, а также мудрость греческого и латыни. И он на одном языке мог говорить бы со всеми». Эту цитату знает каждый школьник. Выдающийся ученый имел в виду не только смысловую сторону, но и звучание: большое количество словообразовательных морфем, в т.ч. корней, создает широкую возможность для манипулирования языковыми средствами с целью избежать повторения звукорядов.

Такая манипуляция исключается при тенденциозном пуризме. Так, в армянском названия птиц звучат следующим образом: *hav* (курица, птица), *hndkahav* (индейка), *khlahav* (глухарь), *mirhav* (фазан), *kapērahav* (коноплянка), *mərgkahav* (буревестник), *maīrahav* (тетерев), *margahav* (коростель), *jərahav* (лысуха), *shikahav* (малиновка), *gorsh drakhtahav* (просянка), *lərahav* (дупель), *phogahav* (пеликан), *avazahav* (песочник), *soghahav* (поползень), *erashtahav* (синица) и др. Речь не о необходимости обязательного заимствования или обязательного искусственного образования на родной почве. Заимствования обогащают язык не только новыми корнями, но и новыми словообразовательными средствами, в то же время необходимо использовать внутриязыковые возможности, однако принцип *меры* не должен быть нарушен.

Феномен краткости имеет значение не только в информационном поле. Сравните томик В. Шекспира на английском, русском, армянском языках и хинди. Его объем возрастает от указанного языка к языку, а это труд, бумага и прочие полиграфические средства. В рассматриваемом плане вопрос можно было бы назвать бессмысленным (качество языка формируется на протяжении длительного времени), если бы литературный язык базировался только на разговорном языке и не было бы необходимости в его искусственном (государственном) регулировании.

Однако в армянском литературном языке общеупотребительная лексика, взятая из разговорной стихии, отличается исключительной краткостью, в то время как новообразования (которые в живом языке зачастую отсутствуют: вместо них употребляются заимствования) состоят из тринадцати и более звуков. Если распространенные языки стремятся к интернациональной терминологии, другие предпочитают разработать ее на родной почве с включением в новообразование всех сем, определяющих называемое понятие, отчего его объем по сравнению с исходным названием возрастает. Ср.: *growth*, *nautical*, *noble* (англ.) — *новообразование (опухоль), мореходный,*

благородный (русск.). В армянском языке переводятся даже медицинские термины типа *анестезия* *anzdayazut*, *наркоз* *thəmtaḡaḡun* (последнее даже не совсем благозвучно) и др. Поскольку наука прежде всего преследует цель облегчить нам жизнь, использование искусственных терминов создает дополнительные трудности для ученых: прежде чем перейти к чтению научной статьи, нужно выучить термины, в то время как при обратном подходе термины усваиваются со школьной скамьи.

Краткость слова и речи непосредственно связана с понятием *гибкости*. Это возможность языковых средств функционировать в разном ритме, в разном звуковом поле. Краткое слово создает широкие возможности для манипуляции в поэзии, в музыке, для создания каламбуров, острых выражений, что в конечном итоге определяет не только поэтическое и песенное искусство народа, но и уровень его художественного слова вообще. Попробуйте написать стихотворение со словами *столпотворение*, *контрнаступление*, *благодетельность* на русском или *darnataghhdzutyun* (желчность, англ. *acrimony*), *tsagrutsumakvel* (быть осмеянным, англ. *mock*) на армянском. И речь не о том, что в языке не должны быть составные и сложные слова: нужно придерживаться разумной *меры*, опираясь на народно-разговорную стихию.

Следует отметить, что опыт языкового строительства показывает: в нужном случае следует заимствовать не только слова, но и синтаксические конструкции, словообразовательные модели, если они создают новое качество в языке. Государственная политика должна быть направлена на совершенствование языка. В подобной ситуации следует выбирать не по принципу «свое – чужое», а по принципу «лучшее – худшее», если носители языка обладают политической свободой. Естественно, заимствование также имеет свои принципы: заимствованное слово должно вписываться в лексическую и грамматическую систему языка, однако это тема отдельной статьи.

Особой характеристикой языка является *системность*, под которой понимается систематизированная грамматика, где грамматические значения выражены материально и во

взаимосвязи друг с другом. Так, если в армянском, немецком, русском языках каждая часть речи имеет свои средства выражения (например, все глаголы в форме инфинитива в армянском имеют на конце *-al, -el*, в немецком – *-en*, в русском – *-ать, -еть, -ить* и др., то в английском языке такая закономерность отсутствует, поскольку он является гибридным (смесью древнегерманского, кельтского и французского языков).

Указанные характеристики язык приобретает в течение длительного периода развития как народа, так и культуры, в особенности художественного слова [11]. В революционные периоды в народно-разговорной стихии возникают различные тенденции: как ведущие к совершенствованию языковой системы, так и направленные на ее разрушение. Так, в современном русском и армянском, как и во всех языках народов бывшего СССР, наблюдается упорное проникновение грубых, порой нецензурных выражений в язык художественной литературы. Аналогичные явления имели место в СССР в 1920-е гг., однако жесткое регулирование языковой политики со стороны государства укротило эти, казалось бы, неукротимые процессы.

Заключение

Государственная политика в области языка имеет две ипостаси: во-первых, это определение статуса языка в государстве, во-вторых, регулирование развития языка, в т.ч. государственного. Если в первом случае следует исходить из прав и свобод человека, то во втором случае следует ориентироваться на качество, руководствуясь чувством меры. Язык национальных меньшинств при любой языковой политике в настоящее время находится в дискриминированном положении, поскольку совершенно естественно распространенный и развитый язык создает более широкие возможности, что и заставляет человека предпочитать получать образование, общаться на нем, особенно если он имеет статус государственного. Но в любом случае государственная языковая политика определяется под давлением преобладающей идеологии.

References

1. Дешериев Ю.Д. Проблема функционального развития языков и задачи социолингвистики / Язык и общество. – М., 1968. – С. 53–81.
2. Европейская конвенция о правах человека и Европейская социальная хартия: право и практика. – М., 1998. – С. 598.
3. Федеральный закон от 24.07.1998 г. № 126-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР «О языках народов РСФСР»».
4. Федеральный закон «О государственном языке Российской Федерации» от 01.06.2005 г. № 53-ФЗ
5. Конституция Республики Армения СДЗ РА 2005.12.05.
6. Конституция Российской Федерации. – М., 1993.
7. Никольский Л.Б. Языковая политика как форма сознательного воздействия общества на языковое развитие / Язык и общество. – М., 1968. – С. 111–124.
8. Об иностранцах. Закон Республики Армения от 16.01.2007 ЗР-47-Н / Официальный бюллетень Армении. – № 6 (530).
9. Филин Ф.П. К проблеме социальной обусловленности языка / Язык и общество. – М., 1968. – С. 5–22.
10. Ярцева В.Н. Проблема связи языка и общества в современном зарубежном языкознании / Язык и общество. – М., 1968. – С. 39–55.
11. Sepir E. The status of linguistics as a science // Language. – 1929. – Vol. 5. – P. 209.
1. Dresheriev, Yu.D. The problem of functional development of languages and tasks of socio-linguistic. *Language and society*. Moscow, 1968, pp. 53–81.
2. European convention on rights of personality and European social charter: law and practice. Moscow, 1998, p. 598.
3. The law of the RF "On Amendments and Additions to the Law "On languages of peoples of the Russian Federation", no. 126-FZ, from 24.07.1998.
4. The law of the RF "On state language of the Russian Federation", no. 53-FZ RF from 01.06.2005.
5. Constitution of the Republic of Armenia, SDZ RA 2005.12.05.
6. Constitution of the Russian Federation. Moscow, 1993.
7. Nikolsky, L.B. Language policy as form of conscious influence of society on language development. *Language and society*. Moscow, 1968, pp. 111–124.
8. On foreigners. The law of the Republic of Armenia, from 16.01.2007, ZR-47-N. *Official bulletin of Armenia*, no. 6 (530).
9. Filin, F.P. On the problem of social conditioning of language. *Language and society*. Moscow, 1968, pp. 5–22.
10. Yartseva, V.N. The problem of connection of language and society in modern foreign linguistic. *Language and society*. Moscow, 1968, pp. 39–55.
11. Sepir, E. The status of linguistics as a science. *Language*. 1929, vol. 5, p. 209.